

Солидарность, ответственность и свобода: потрясение vs. страх

Щербина Юлия Ивановна

Студент (магистр)

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: juliamyth@gmail.com

Последние события, происходящие в современном мире, все четче показывают две основные тенденции, противоположные друг другу: стремление к разъединению (обнаружение себя как не-тождественного Другому, в том числе Другому, с которым существует совместная история, установление различия между «мы» и «они») и стремление к солидарности. Как первое, так и второе требует отдельного исследования, однако данный небольшой текст ставит своей задачей рассмотрение второго феномена, т.е. солидарности, поскольку она проявляется во многих, даже самых мелких действиях: от перепоста в социальных сетях и до выхода на площадь для поддержки митингующих. В связи с этим возникают следующие вопросы. Каков исток солидарности как социального явления, почему и как она возникает, как в человеке сформировывается потребность поддержки другого?

Говоря о проблеме солидарности, можно отметить, что именно XX век, стал отправной точкой для рассуждений касательно данного явления. Именно в это время особенно остро акцентируются такие проблемы как смерть, тревога, страх, боль, страдание, жертва, ответственность, свобода - и именно с этими понятиями и связана солидарность. XX век становится потрясением для всего человечества, некоторые даже представляют его «войной» [1], именно в течение этого столетия многие философы приходят к выводу о том, что развитие современной цивилизации, которая привела человечество к войнам и революциям, является в корне своем *патологичным*. И все же среди всех этих негативно окрашенных факторов появляется и такой фактор, как солидарность - фактор, проводящий грань между страхом и желанием сохранить свою жизнь, фактор, позволяющий связать воедино понятия ответственности и свободы.

По большому счету, XX век представляет две различные интерпретации солидарности. Первая относится к прагматической философии, представителем которой является Рорти, и представляет собой объяснение солидарности, связанное с задействованной телесностью. Вторая относится к феноменологии и представлена разработками Яна Паточки, условно в тексте будем называть ее политической солидарностью.

Рорти рассматривает проблему солидарности в рамках своей книги «случайность, ирония и солидарность». В ней он раскрывает данную тематику через анализ литературных произведений Оруэлла и Набокова, показывая, что солидарность напрямую связана с телесностью человека: он отталкивается от понятия жестокости, которую изображают оба писателя. В своем произведении «Лолита» Набоков раскрывает сущность жестокости как невнимательности и безразличия: «Мораль заключается не в том, чтобы не протягивать руки к девочкам, но в том, чтобы замечать, что делаешь, и в особенности, что говорят другие. Ибо может оказаться и часто оказывается, что люди пытаются сказать тебе, что они страдают» [2, с.150]. Оруэлл же показывает, что человек может ощутить чувство солидарности по отношению к другому человеку, благодаря внешней угрозе собственной жизни. Видя, что жестокость творится ради жестокости, а пытки ради пыток, т.е. они являются бессмысленными, но в действительности опасными, человек прибегает к объединению с другим человеком, чтобы предотвратить опасность для самого себя. Однако в данном случае Рорти не учитывает, что в таком случае человек испытывает страх перед тем, чтобы начать действовать. Эту проблему раскрывает Ян Паточка.

Паточка конкретизирует проблему, рассуждая о солидарности «потрясенных, но не уstraшенных» в рамках своей философии истории. Он анализирует фронтный опыт солдат, участвовавших в Первой мировой. Когда солдат оказывается на фронте, он сталкивается со смертью лицом к лицу, т.е. происходит его встреча с «ничто» в хайдеггерианском смысле. Подобная пограничная ситуация позволяет человеку «сместить» точку сборки, обрести истинную свободу, понять подлинность своего бытия здесь и сейчас, что значит, превозмочь и превзойти свой страх перед небытием и осознать, что целью борьбы является «жизнь для свободы и в свободе» [3, с. 12]. Самым важным здесь является то, именно таким образом и *только* таким образом, через борьбу за свободу, и возможна жизнь человека как таковая. Это политическая солидарность в широком смысле слова, т.к. она объединяет людей перед лицом несправедливости, экзистенциального вызова и позволяет человеку обрести полноту своего бытия. Речь идет не о том, чтобы спасти свою жизнь (как в случае с концепцией Рорти), а о том, чтобы сотворить свою жизнь подлинной, «жить в истине». При этом как в первом, так и во втором случае человек несет ответственность за проявленный акт своей воли и свободы. Причем в случае концепции Паточки, человек отвечает не только за сам факт вопроса (я солидарен?), но и за возможные варианты ответов (которые включают как размышления и действия, так и бездействие).

Подводя итог этого краткого текста, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, солидарность может возникать как ответ на вызов повседневности (видя жестокость по отношению к другому, человек начинает сопереживать и солидаризируется с пострадавшим). Вторая причина возникновения солидарности - встреча человека или нескольких людей с тем, что превосходит их понимание (экзистенциальный вызов, столкновение с ничто), что заставляет их почувствовать зыбкость собственного существования и осознать возможность ответственной и свободной «жизни в истине». Это лишь краткий набросок возможных ответов на поставленный вопрос. В целом, солидарность является сложным многоуровневым феноменом, который являет себя во многих сферах; исследование солидарности может быть приложимо как к социальным событиям, так и к развитию экологических движений, глобальных Интернет-сообществ, развитию сетевой цивилизации и многому другому.

Источники и литература

- 1) Паточка, Я. «Войны XX века и XX век как война» // Паточка, Я. Еретические эссе по философии истории Минск: Логвинов, 2008.
- 2) Рорти, Р. Случайность, ирония, солидарность. М., 1996.
- 3) Chvatík, I. Patočka's concept of the solidarity of the shaken and the possibility of a meaningful existence. Prague, 2013.